

Научная статья
 УДК/UDC 343.85, 343.262
 DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-119-125

Лидер преступной иерархии: юридическая природа оснований ответственности и особенности порядка и условий отбывания лишения свободы

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Андрей Николаевич Гордополов

Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Российская Федерация, *andrei.gordopolov@yandex.ru*

Аннотация. В статье подвергается критическому научному анализу ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Исследуются доктринальные противоречия указанной нормы, ключевое из которых заключается в криминализации общественно опасного состояния личности (факта обладания особым криминальным статусом) вместо конкретного общественно опасного деяния. Автор приходит к выводу, что подобный законодательный подход входит в противоречие с фундаментальным принципом вины (ст. 5 УК РФ) и классическими постулатами уголовно-правовой доктрины, основанными на неотвратимости ответственности исключительно за виновное действие или бездействие. В работе рассматриваются уголовно-исполнительные аспекты, отражающие специфику реализации лишения свободы в отношении осужденных с высшим криминальным статусом; выявляется фрагментарность правового регулирования их статуса. В целях снижения деструктивного воздействия лидеров в пенитенциарных учреждениях предлагается комплекс мер по совершенствованию Уголовно-исполнительного кодекса РФ, включающих дифференциацию и ужесточение условий отбывания наказания для данной категории, нормативное закрепление их изоляции и особый порядок изменения вида исправительного учреждения. Формулируется вывод о необходимости дальнейшей научной разработки и законодательного решения выявленных проблем как в уголовном, так и в уголовно-исполнительном праве.

Ключевые слова: лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии; уголовное право, уголовно-исполнительное право, общественная опасность, опасное состояние личности, дисциплинарная ответственность, преступная иерархия, «вор в законе», дифференциация ответственности

Для цитирования: Гордополов А.Н. Лидер преступной иерархии: основание уголовной ответственности и особенности исполнения лишения свободы // Юридический вестник ДГУ. 2026. Т. 58, № 2 (78). С. 119–125. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-119-125

Original article

Leader of the criminal hierarchy: legal nature of the basis for responsibility and features of the procedure and conditions for sentencing

5.1.4 — Criminal law sciences

Andrey N. Gordopolov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, *andrei.gordopolov@yandex.ru*

Abstract. This article provides a critical scientific analysis of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for occupying a high position in a criminal hierarchy. It examines the doctrinal contradictions of this provision, the key one being the criminalization of a socially dangerous individual's condition (the fact of possessing a special criminal status) instead of a specific socially dangerous act. The author concludes that such a legislative approach contradicts the fundamental principle of guilt (Article 5 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the classical tenets of criminal law doctrine, based on the inevitability of liability solely for a culpable act or inaction. The paper examines penal aspects reflecting the specifics of the implementation of imprisonment for convicts with the highest criminal status; the fragmentary nature of the legal regulation of their status is revealed. To reduce the destructive influence of leaders in penitentiary institutions, a set of measures is proposed to improve the Russian Federation Criminal Executive Code. These include differentiating and tightening the conditions of imprisonment for this category, legally establishing their isolation, and a special procedure for changing the type of correctional facility. A conclusion is reached regarding the need for further scientific research and legislative solutions to the identified problems in both criminal and penal law.

Keywords: a person occupying the highest position in the criminal hierarchy, criminal law, penal enforcement law, public danger, dangerous state of the individual, disciplinary responsibility, criminal hierarchy, "thief in law", differentiation of responsibility

For citation: Gordoplov A.N. Leader of the criminal hierarchy: legal nature of the basis for responsibility and features of the procedure and conditions for sentencing. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2026, vol. 58, no. 2 (78), pp. 119–125. DOI: 10.21779/2224-0241-2026-58-2-119-125. (In Russ.).

Введение. Принятие Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ ознаменовало собой качественно новый этап в противодействии организованной преступности, предоставив правовые основания для привлечения к уголовной ответственности лиц, занимающих наивысшее положение в преступной иерархии, вне прямой зависимости от совершения ими конкретного уголовно наказуемого деяния, тем самым дополнив УК РФ ст. 210.1. В этой связи появился самостоятельный состав преступления. Однако, по справедливому замечанию ряда исследователей, в науке уголовного права, в настоящее время отсутствует унифицированное понимание категории «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», а законодатель не раскрывает ее конкретных криминообразующих признаков непосредственно в тексте закона [6, с. 97]. Это обстоятельство актуализирует как сугубо теоретическую, так и правоприменительную проблематику. Впоследствии возникает вопрос о соответствии подобного законодательного подхода классическим постулатам уголовного права. Среди них принцип вины (ст. 5 УК РФ) и формальная определенность оснований уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ). Как отмечают С.А. Корнеев и Ю.А. Головастова, в современном уголовном законодательстве наметилась инверсионная тенденция: наряду с теорией общественно опасного деяния в качестве основания ответственности начинает внедряться теория общественно опасного состояния личности, что порождает фундаментальные доктринальные противоречия [12, с. 36].

1. Общественно опасное состояние личности как дискуссионное основание уголовной ответственности. Историко-правовой анализ свидетельствует о длительном противостоянии классической и социологической школ уголовного права в вопросе о допустимости установления ответственности за преступное состояние. Если представители классической школы настаивали на незыблемости принципа уголовной ответственности исключительно за конкретное действие или бездействие, то социологическая школа допускала возможность применения мер уголовно-правового воздействия уже в силу факта принадлежности индивида к категории социально опасных элементов [10, с. 10–13].

Сторонник позитивистского подхода в уголовном праве, Э. Ферри, обосновывал необходимость принятия мер безопасности против лиц, чей образ жизни или психофизиологические особенности создают повышенную угрозу для общества вне связи с совершением преступления [17, с. 97–99]. Эта доктринальная установка по смыслу тождественна ст. 210.1 УК РФ и, по нашему мнению, методологически спорна. Объективная сторона преступления, описанного в ст. 210.1 УК РФ, не содержит в себе признаков самостоятельного общественно опасного деяния, что вступает в прямое

противоречие с легальным определением преступления, данным в ч. 1 ст. 14 УК РФ.

Преступлением признается именно виновно совершенное общественно опасное деяние. Как справедливо полагает И.С. Додон, «криминализация высшего положения в преступной иерархии отражает изменившуюся природу самой организованной преступности: здесь общественная опасность проявляется не столько в преступлениях прошлого, сколько в потенциальной способности координировать и контролировать преступную деятельность в будущем» [15, с. 54]. Однако и данное утверждение, разделяемое некоторыми авторами, не снимает фундаментальной коллизии с принципом вины [9, с. 25].

В противовес этому, в литературе высказывается и иная позиция: ряд ученых (А.В. Бриллиантов, А.Д. Щербаков, С.В. Кондратюк) усматривают в содержании ст. 210.1 УК РФ возврат к дискредитировавшей себя концепции опасного состояния личности, что означает отрицание базовых институтов уголовного права, в первую очередь — принципа виновной ответственности [1, с. 97]. Такого же мнения придерживаются Е.В. Косьяненко и М.С. Кармановский, подчеркивая, что неточность юридической техники при формулировании диспозиции ст. 210.1 приводит к необоснованным оправдательным приговорам и неопределенности правоприменения [16, с. 38]. Развивая данную позицию, можно добавить, что действие закона фактически криминализует опасное состояние личности, а не конкретные противоправные действия, что ранее (в XIX – начале XX века) считалось признаком неразвитой либо репрессивной правовой системы. Применительно к современной России, как обоснованно замечает Ю.С. Караваева, мы наблюдаем акцентирование законодателем внимания именно на фигуре преступника посредством придания его личностным свойствам значения если не единственного, то приоритетного криминообразующего признака; при этом происходит смешение критериев назначения наказания и криминализации как таковой [11, с. 266]. Суд устанавливает не факт совершения действия, а факт обладания статусом, что с позиций классической уголовно-правовой догмы не может образовывать состава преступления.

Существенной особенностью конструкции ст. 210.1 УК РФ является то, что квалификация по этой статье неизбежно опирается на криминологические понятия, заимствованные из воровской субкультуры («вор в законе», «смотрящий», «общак»), что, безусловно, методологически сложно для уголовного права как формально-определенной системы. Судебная практика в этой связи в поисках доказательств вынуждена использовать данные оперативно-розыскной деятельности, характеризующие поведение лица в неформальной иерархии, а не формально-юридические критерии. Это создает зна-

чительный риск объективного вменения: лицо привлекается к ответственности за *пребывание в определенном опасном состоянии*, за сам факт обладания высшим криминальным статусом, а не за какое-либо реальное действие, причинившее вред охраняемым законом интересам. Фактически, конструкция ст. 210.1 УК РФ находится на грани или уже за гранью запрета объективного вменения, установленно-го ст. 5 УК РФ и разъясненного в постановлениях Конституционного Суда РФ. Кроме того, как обоснованно отмечает А.С. Морозов, в настоящее время происходит трансформация норм криминальной субкультуры; традиционные признаки «вора в законе», такие как отсутствие семьи, регистрации по месту жительства или официальной работы, утрачивают свое значение, что делает применение ст. 210.1 еще более проблематичным: сложившийся криминологический портрет не соответствует современной правоприменительной практике [8, с. 26–29].

2. Проблема определения признаков субъекта преступления. Субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, по своей юридической природе является специальным. Однако его определяющие признаки носят в основном криминологический, а не строго уголовно-правовой характер. Исходя из сложившейся судебной практики и доктринальных обобщений, к числу таких признаков можно отнести:

1) обладание устойчивым авторитетом в преступной среде, который признается иными членами криминального сообщества;

2) обладание существенными материальными средствами, формирующими либо контролирующими так называемый «общак», и использование или возможность использования их для финансирования иной преступной деятельности;

3) систематическое ведение противоправного образа жизни, сопряженное с соблюдением и поддержанием криминальных традиций («воровских законов»);

4) выполнение координирующих и идеологических функций в преступной иерархии, включая назначение иных лиц («смотрящих», «положенцев») на нижестоящие позиции.

Важно подчеркнуть, что законодатель намеренно избегает прямого включения в текст уголовного закона специфической терминологии криминальной субкультуры, однако правоприменительная практика, в первую очередь судебная, вынужденно использует данные понятия для доказывания статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии [4, с. 63, 65]. Диспозиция ст. 210.1 УК РФ является формальной и бланкетной по сути, что совершенно не соответствует требованиям, предъявляемым к описанию признаков состава преступления. Как справедливо отмечает В. Куфлева, для характеристики основания ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии необходимо в первую очередь обратиться к практике применения ст. 210.1 УК РФ. Автор обосновывает вывод о том, что современная судеб-

ная практика для привлечения к ответственности требует не только обладания статусом, но и его непосредственной реализации через активные действия, однако, на наш взгляд, это лишь подтверждает доктринальную порочность первоначальной конструкции: суды фактически дополняют закон отсутствующим в нем признаком деяния, что свидетельствует о неработоспособности нормы в ее буквальном прочтении [9, с. 27–29].

Для привлечения к уголовной ответственности теоретически достаточно лишь констатации факта занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Однако суды, устанавливая данный статус на практике, вынуждены анализировать не только обстоятельства его приобретения («коронавание»), но и конкретные примеры реализации преступных полномочий, что фактически подменяет уголовно-правовой анализ криминологическим. Именно это обстоятельство породило в литературе критику в адрес как ст. 210.1, так и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12, которое не дает четких критериев установления высшего статуса. По справедливому замечанию Д.А. Григорьева и В.И. Морозова, оценочный характер рассматриваемого квалифицирующего признака не позволяет выработать четких критериев определения лидеров криминальной среды, что приводит к формированию разрозненной и противоречивой судебной практики [14, с. 42–44].

3. Категория длящегося преступления. В судебной практике сформировался подход, в соответствии с которым преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, квалифицируется как длящееся. Данный подход аргументируется тем, что лицо, приобретя высший криминальный статус, продолжает находиться в нем, реализуя свои властные и координационные полномочия. Между тем в теории уголовного права длящееся преступление традиционно понимается как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением возложенных на лицо правовых обязанностей (например, уклонение от призыва на военную службу – ст. 328 УК РФ, дезертирство – ст. 338 УК РФ). Как пишет К.В. Ображиев, «длящееся преступление характеризуется непрерывностью осуществления состава; момент его окончания связан с началом выполнения обязанности, ранее не исполнявшейся, либо с прекращением противоправного состояния по инициативе правоохранительных органов или самого лица» [4, с. 443].

Применительно же к ст. 210.1 УК РФ речь идет не о длящемся деянии, а о длящемся состоянии лица, что вообще исключает наличие объективной стороны как таковой, ведь объективная сторона – это совокупность признаков, характеризующих внешний акт поведения. Следовательно, признание данного преступления длящимся является ошибочным доктринально и методологически неверным. Более того, подобная квалификация ведет к легитимации уголовной ответственности за «преступное состояние», что прямо противоречит ст. 8 УК РФ,

устанавливающей, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. В данном же случае признаков деяния буквальный текст закона не содержит. Наличие судебных актов, квалифицирующих ст. 210.1 как деящееся преступление, на наш взгляд, является следствием преодоления закона правоприменителем, который осознает неполноту законодательной конструкции и пытается ее исправить через расширительное толкование. Однако такая практика не должна подменять собой необходимые законодательные изменения. Как резюмирует В. Куфлева, необходимо путем должного текстуального описания криминализированных деяний перейти к такой формулировке диспозиции, которая «обеспечит соответствие нормы положениям ст. 8 и 14 УК РФ, снимет все сомнения в характеристике предусмотренного ею основания уголовной ответственности, закрепит статус такого основания исключительно за общественно опасным деянием» [9, с. 35].

4. Уголовно-исполнительные аспекты. Проблемы доктринальной трактовки ст. 210.1 УК РФ с неизбежностью порождают правовую неясность и в сфере уголовно-исполнительного законодательства. Правовое положение лиц, являющихся лидерами преступной среды, регламентировано лишь фрагментарно. В действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ имеются лишь косвенные упоминания об осужденных, оказывающих отрицательное влияние (ст. 116 УИК РФ, где к злостным нарушениям отнесено оказание сопротивления персоналу), а также об осужденных, являющихся лидерами преступных группировок, для которых предусматривается возможность перевода в единые помещения камерного типа (ЕПКТ) или помещения камерного типа (ПКТ). Однако, как обоснованно замечает С.А. Бажутов, отсутствует четкое юридическое определение и комплекс специальных мер исправительного воздействия именно в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии [6, с. 27]. В этой связи представляется целесообразным выделить следующую типологию осужденных-лидеров, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы:

1) осужденные, чей статус прямо предусмотрен уголовным законом (по ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ), то есть «*de jure*» лидеры;

2) осужденные, отбывающие наказание по иным статьям УК РФ, но фактически обладающие неформальным авторитетом и влиянием в преступной среде (лидеры «*de facto*»);

3) осужденные, выполняющие в местах лишения свободы отдельные криминальные функции («смотрящие», «положенцы»), чей статус может носить временный и функциональный характер.

Независимо от указанной типологии, ключевыми криминологическими признаками, объединяющими всех названных лиц, остаются способность к организации иерархической структуры преступного сообщества в местах лишения свободы, осуществление руководства ею и занятие, в том

или ином объеме, лидирующей позиции. При этом статус «вора в законе» сохраняет свою силу как на свободе, так и в местах лишения свободы, где его носители демонстрируют наибольший авторитет, способность деструктивно влиять на остальных осужденных и активно противодействовать целям исправления. Как показывают исследования Морозова, криминологический портрет таких лиц в настоящее время значительно видоизменился: прекратили свое значение те признаки, которые ранее считались табуированными (наличие семьи, детей, официальной регистрации, воинской обязанности), что требует более тонкой настройки правовых механизмов их выявления и изоляции [8, с. 30].

В этих условиях администрация исправительных учреждений вынуждена прибегать к изоляции таких лиц вне четких законодательно установленных процедур, что порождает серьезные правовые проблемы и нередко становится предметом актов прокурорского реагирования. Очевидна необходимость формирования в УИК РФ комплекса специальных норм, регламентирующих порядок исполнения наказания в отношении осужденных — лидеров преступной среды, что обеспечило бы прочную законную основу для их изоляции и содержания отдельно от основной массы осужденных. При этом условия отбывания наказания для данной категории должны быть дифференцированы преимущественно в сторону ужесточения: предлагается увеличить законодательно установленную продолжительность содержания в тюрьме как виде исправительного учреждения, не допускать досрочного перевода из тюрьмы в исправительную колонию при сохранении устойчивой отрицательной направленности личности, предоставить администрации право на оперативный перевод таких осужденных в строгие условия отбывания наказания (ЕПКТ, ПКТ) при выявлении попыток организации противоправной деятельности. Как справедливо отмечают А.В. Шеслер, С.С. Шеслер и М.А. Слободенюк, степень общественной опасности личности приобретает особое значение при правовой оценке деяний, связанных с занятием лидирующего положения в структуре преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), поскольку именно сам статус лица в данном случае определяет его общественную опасность, а в силу этого — должна быть востребована на стадии исполнения наказания [13, с. 125].

Для принятия законного и обоснованного решения о переводе такого осужденного в обычные условия отбывания наказания необходимо учитывать не только формальные критерии, но и наличие убедительных доказательств утраты им высшего положения в криминальной иерархии, а также положительную характеристику его поведения, подтвержденную материалами оперативно-розыскной деятельности и данными психолого-педагогических наблюдений. Иными словами, должен быть установлен факт «*де-юре*» и «*де-факто*» утраты криминального статуса.

5. Современные вызовы. В современной пенитенциарной практике наблюдается тенденция,

требуемая пересмотра тактики оперативно-розыскного обеспечения режима в учреждениях УИС. Наряду с лицами, придерживающимися классической «воровской» идеологии, фиксируется устойчивое присутствие осужденных, идентифицирующих себя с радикальными направлениями ислама. Деятельность указанных лиц выходит за рамки традиционного тюремного противостояния администрации и создает реальные угрозы нормальному функционированию исправительных учреждений, включая организацию массовых беспорядков, захвата заложников и иных особо тяжких преступлений. Ключевая сложность оперативного сопровождения данной категории заключается в нетрадиционной форме управления группой. В отличие от иерархии, основанной на «воровских традициях» и «общаке», группы радикальных исламистов демонстрируют гибкую, законспирированную структуру, базирующуюся на искаженной интерпретации религиозных ценностей. Целеполаганием таких групп является не просто достижение послаблений режимных требований, а формирование автономных зон, неподконтрольных администрации, что напрямую дестабилизирует нормальную деятельность учреждения и угрожает жизни и здоровью персонала и осужденных.

Особую оперативную значимость приобретает выявление механизмов рекрутинга. Как показывает правоприменительная практика, лидеры радикальных исламских течений активно осуществляют склонение к изменению вероисповедания лиц, традиционно исповедующих христианство, с целью расширения своего влияния. Данный феномен является объектом повышенного оперативного контроля со стороны Федеральной службы безопасности Российской Федерации и требует внедрения дополнительных мер профилактики, включающих психологическую работу, разъяснительные беседы, а также усиление воспитательного воздействия со стороны администрации. Эмпирически подтвержден также факт наличия устойчивых противоречий и конфликтов между лидерами «воровской» идеологии и лидерами радикального ислама. Доктринальные расхождения (например, отношение к запретам, употреблению наркотических средств, азартным играм – к иным «тюремным» нормам, традиционно поддерживаемым ворами в законе) создают объективную основу для противостояния. В оперативно-розыскной деятельности данная ситуация рассматривается как потенциальный канал воздействия. Организация оперативно-розыскных мероприятий, направленных на развенчание и изоляцию лидеров, должна использовать указанный конфликт как фактор, ослабляющий консолидацию осужденных. Это тем более важно, что, по замечанию Д.А. Григорьева и В.И. Морозова, зачастую данные сети имеют международные криминальные связи, что существенно повышает их устойчивость и коррупционный потенциал [14, с. 42].

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать ряд концептуальных выводов.

Во-первых, использование в качестве основания уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ понятия «общественно опасное состояние личности» вступает в противоречие с фундаментальными принципами уголовного права, поскольку в данном случае юридической оценке подлежит не конкретное деяние, а криминальный статус лица, что противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ) и доктринальному пониманию преступления как деяния. Как справедливо резюмируют Е.В. Косьяненко и М.С. Кармановский, норма нуждается в доработке, в частности в переформулировании деяния и уточнении понятий «высшее положение» и «преступная иерархия» [7, с. 38–40]. Криминологическая характеристика субъекта, выраженная через категорию «общественно опасное состояние», безусловно, должна учитываться, но на иных этапах: во-первых, при назначении наказания (как характеристика личности, влияющая на его вид и размер), во-вторых, на стадии исполнения наказания, где она должна детерминировать применение особых мер исправительного воздействия и усиленного оперативного контроля.

Во-вторых, в настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации существует явный пробел в части правового регулирования исполнения наказания в отношении осужденных, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Отсутствует целостный комплекс правовых мер, обеспечивающих системное снижение их деструктивного влияния в местах лишения свободы. Перспективным направлением научных исследований и законотворческой деятельности является разработка дифференцированного подхода к режимным ограничениям в зависимости от идеологической платформы лидера (классическая криминальная субкультура или религиозный радикализм), а также внесение изменений в Уголовно-исполнительный кодекс РФ, регламентирующих особый порядок содержания данной категории осужденных, включая их обязательную изоляцию, запрет на перевод в облегченные условия отбывания наказания при сохранении статуса, а также особые основания для перевода в ЕПКТ и ПКТ.

В-третьих, требуется дальнейшая глубокая научная разработка проблем соотношения уголовной ответственности за деяние и за статус, а также выработка единообразных критериев для правовой оценки статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Перспективным представляется введение в УК РФ либо новой редакции ст. 210.1, содержащей описание конкретных действий, характеризующих реализацию криминального статуса (например, координация преступных действий, раздел сфер влияния, финансирование преступной деятельности), либо изменение уголовно-исполнительного законодательства в части, касающейся ответственности за нарушение специальных режимных требований лицами с высшим криминальным статусом, но при этом недопустимо сохранять действующую конструкцию, ко-

торая подвергается обоснованной критике с позиций классической уголовно-правовой доктрины и, как справедливо отмечено в доктрине, «во многом устарела морально и противоречит самим основам правового государства» [11, с. 268].

Указанная проблематика требует дальнейшей углубленной научной разработки, выработки согласованной позиции между представителями уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии и последующего, детально выверенного законодательного решения.

Список источников

1. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.
2. Головастова Ю.А., Гордолопов А.Н. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как особый субъект отбывания лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 2 (48). С. 36–41.
3. Белая Н.П., Захарченко С.Н., Казак Б.Б. Организационно-правовые аспекты противодействия лидерам уголовно-преступной среды // Юридическая мысль. 2019. № 2–3. С. 83–89.
4. Ображиев К.В. Юридическая природа и признаки делящегося преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 442–455.
5. Gordoplov A.N., Zinin G.Yu., Pratsko G.S., Sokolova E.A. Penitentiary liability for environmental crimes // Bio Web of Conferences: International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2024). Saint Petersburg, 03–06 сентября 2024 года. Vol. 130. Les Ulis: EDP Sciences, 2024. P. 08030. DOI 10.1051/bioconf/202413008030.
6. Бажутов С.А., Кунашев А.А. Особенности уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Законность. 2022. № 11. С. 25–33.
7. Кондратюк С.В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2022. 255 с.
8. Морозов А.С. Криминологический портрет лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: по результатам анализа вступивших в силу обвинительных приговоров судов по части 4 статьи 210 УК РФ и статье 210.1 УК РФ // Библиотека криминалиста. 2023. № 4 (57). С. 25–32.
9. Куфлева В. Основание уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Уголовное право. 2025. № 1. С. 24–40.
10. Сафронова Е.В., Лоба В.Е. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал БГУЭП. 2014. № 3 (29). С. 10–17.
11. Караваева Ю.С. Общественная опасность личности и основание криминализации // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 3 (67). С. 263–271.
12. Корнеев С.А., Головастова Ю.А. Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2024. № 4. С. 34–48.
13. Шеслер А.В., Шеслер С.С., Слободенюк М.А. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом значении общественной опасности личности преступника // Вестник Сургутского государственного университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 125–132.
14. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Российский следователь. 2023. № 8. С. 42–47.
15. Додон И.С. Криминализация занятия высшего положения в преступной иерархии и проблемы правоприменения // Молодой ученый. 2025. № 32 (583). С. 54–56.
16. Косьяненко Е.В., Кармановский М.С. Критический анализ положений ст. 210.1 УК РФ и практики ее применения // Уголовное право. 2024. № 3. С. 38–44.
17. Уголовная социология / Энрико Ферри; сост., предисл. В.С. Овчинский. Москва: Инфра-М, 2005. III, 657 с.

References

1. Brilliantov A.V., Shcherbakov A.D. Teoriya opasnogo sostoyaniya lichnosti: shag vpered ili dva nazad? [The Theory of a Dangerous Personality State: One Step Forward or Two Steps Back?], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2020, no. 10. pp. 90–99. (In Russ).
2. Golovastova Yu.A., Gordoplov A.N. A Litso, zanimayushcheye vyssheye polozheniye v prestupnoy iyerarkhii, kak osoby sub"yekt otbyvaniya lisheniya svobody [Person Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy as a Special Subject Serving a Deprivation of Liberty], *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2022, no. 2 (48), pp. 36–41. (In Russ).
3. Belaya N.P. et al. Belaya N.P. i dr. Organizatsionno-pravovyye aspekty protivodeystviya lideram ugovolovno-prestupnoy sredy [Organizational and Legal Aspects of Counteracting the Leaders of the Criminal Environment], *Yuridicheskaya mysl'* [Legal Thought], 2019, no. 2–3, pp. 83–89. (In Russ).
4. Obraziev K.V. Yuridicheskaya priroda i priznaki dlyashchegosya prestupleniya [Legal nature and features of a continuing crime], *Yuridicheskaya priroda i priznaki dlyashchegosya prestupleniya* [All-Russian Criminological Journal], 2021, vol. 15, no. 4, pp. 442–455. (In Russ).

5. Gordopolov A.N., Zinin G.Yu., Pratsko G.S., Sokolova E.A. Penitentiary liability for environmental crimes // Bio Web of Conferences: International Scientific Conference on Biotechnology and Food Technology (BFT-2024). Saint Petersburg, September 3–6, 2024, vol. 130. Les Ulis: EDP Sciences, 2024. P. 08030. DOI 10.1051/bioconf/202413008030.
6. Bazhutov S.A., Kunashev A.A. Osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti lits, zanimayushchikh vyssheye polozheniye v prestupnoy iyerarkhii (st. 210.1 UK RF) [Peculiarities of Criminal Liability of Persons Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)], *Zakonnost'* [Legality], 2022, no. 11, pp. 25–33. (In Russ).
7. Kondratyuk S.V. Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdeniye zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii: dis. ... kand. yurid. nauk [Criminological Characteristics and Prevention of Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy: Cand. Law Sci. ... Diss.], Tolyatti, 2022, 255 pp. (In Russ).
8. Morozov A.S. Kriminologicheskii portret litsa, zanimayushchego vyssheye polozheniye v prestupnoy iyerarkhii: po rezul'tatam analiza vstupivshikh v silu obvinitel'nykh prigovorov sudov po chasti 4 stat'i 210 UK RF i stat'ye 210.1 UK RF [Criminological Portrait of a Person Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy: Based on the Results of the Analysis of Final Guilty Verdicts of Courts under Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation], *Biblioteka kriminalista* [Criminologist's Library], 2023, no. 4 (57), pp. 25–32. (In Russ).
9. Kufleva V. Osnovaniye ugolovnoy otvetstvennosti za zanyatiye vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii [The basis of criminal liability for occupying a high position in a criminal hierarchy], *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2025, no. 1, pp. 24–40. (In Russ).
10. Safronova E.V., Loba V.E. «Opasnoye sostoyaniye lichnosti» kak kriminologicheskaya kategoriya [Dangerous state of an individual as a criminological category], *Kriminologicheskii zhurnal BGUEP* [Criminological journal of BSUEL], 2014, no. 3 (29), pp. 10–18. (In Russ).
11. Karavaeva Yu.S. Obshchestvennaya opasnost' lichnosti i osnovaniye kriminalizatsii [Social danger of an individual and the basis for criminalization], *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary science], 2024, vol. 18, no. 3 (67), pp. 263–271. (In Russ).
12. Korneev S.A., Golovastova Yu.A. Obshchestvennaya opasnost' v sovremennoy doktrine ugolovnogo prava: inversionnyye tendentsii razvitiya [Social danger in the modern doctrine of criminal law: inversion trends in development], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye* [News of higher educational institutions. Jurisprudence], 2024, no. 4, pp. 34–48. (In Russ).
13. Shesler A.V., Shesler S.S., Slobodenyuk M.A. K voprosu ob ugolovno-pravovom i kriminologicheskom znachenii obshchestvennoy opasnosti lichnosti prestupnika [On the Issue of the Criminal-Legal and Criminological Significance of the Social Danger of a Criminal's Personality], *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Surgut State University], 2026, vol. 14, no. 1, pp. 125–132. (In Russ).
14. Grigoriev D.A., Morozov V.I. Kak opredelit' litso, zanimayushcheye vyssheye polozheniye v prestupnoy iyerarkhii? [How to Determine a Person Occupying the Highest Position in a Criminal Hierarchy?], *Rossiyskiy sledovatel'* [Russian Investigator], 2023, no. 8, pp. 42–47. (In Russ).
15. Dodon I.S. Kriminalizatsiya zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy iyerarkhii i problemy pravoprimeneniya [Criminalization of Occupying a Higher Position in a Criminal Hierarchy and Problems of Law Enforcement], *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2025, no. 32 (583), pp. 54–56. (In Russ).
16. Kosyanenko E.V., Karmanovsky M.S. Kriticheskii analiz polozheniy st. 210.1 UK RF i praktiki yeye primeneniya [Critical analysis of the provisions of Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the practice of its application], *Ugolovnoye pravo* [Criminal Law], 2024, no. 3, pp. 38–44. (In Russ).
17. Ugolovnaya sotsiologiya [Criminal Sociology], Enrico Ferri; compiled, foreword by V.S. Ovchinsky. Moscow: Infra-M Publ., 2005. III, 657 p. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гордолов Андрей Николаевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе юридического факультета, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань, Российская Федерация. E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2026 г.; одобрена после рецензирования 27.04.2026 г.; принята к публикации 26.05.2026 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gordopolov Andrey Nikolaevich, Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Regime Organization and Supervision in the Penal System, Faculty of Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation. E-mail: andrei.gordopolov@yandex.ru

Received 19.02.2026; approved after reviewing 27.04.2026; accepted for publication 26.05.2026